

Горы Айне, Пик Большого Бамбука.

Прошло уже три дня с тех пор, как Зевул отнес тело Тянь Болиса на Пик Большого Бамбука, но Сурин все еще запрещала ученикам сообщать скорбную весть другим Пикам, и это было странно. Не только Ксавьон был озадачен, даже Зевул чувствовал, что здесь что-то не так.

Но никто из них не смел прямо говорить об этом с ней. Сурин с печальным лицом сидела перед телом мужа, которое было заморожено их семейным эспером, так что Ксавьон не мог нарушить ее траур. К тому же Пик Большого Бамбука не был самым важным местом в Айне, и сюда обычно мало кто приходил, если не было никаких срочных дел. И хотя траур на Пике Большого Бамбука открыто длился уже три дня, никто с других Пиков Айне об этом не знал.

Но в это утро, наконец, все-таки кто-то появился здесь. Это была Анан. Она незаметно приземлилась на Пике Большого Бамбука, в белом как снег платье.

Ориханк в ее руках испускал мягкий голубой свет и благородную светлую энергию. Анан огляделась по сторонам, не увидев ничего не обычного. Только по обеим сторонам Зала Тишины были вывешены белые флаги, в знак траура.

Она молча посмотрела на эти флаги и пошла в сторону Зала Тишины. Очень скоро к ней навстречу вышли Ксавьон и остальные ученики, почувствовавшие чье-то присутствие. На их одежде были привязаны траурные ленты.

Когда они увидели, что это была Анан, и что она была одна, Ксавьон выдохнул, с очевидным облегчением.

Анан поприветствовала их поклоном и произнесла: «Сестра Анан с Пика Малого Бамбука приветствует братьев».

Ксавьон, стоящие за его спиной У Даи и Хэ Дачжи не посмели медлить – они тут же отвесили ответный поклон, и Ксавьон с горькой усмешкой сказал: «Чем обязаны вашему прибытию, сестра Лу? Тут... такое дело... простите что не можем оказать должного приема...»

Анан без улыбки ответила: «Я пришла ни для чего другого, кроме как почтить память Мастера Тянь и поклониться Госпоже Сурин. Надеюсь, вы сообщите о моем прибытии, я буду вам за это благодарна».

Ксавьон и остальные переглянулись, помолчали немного, затем Ксавьон сказал: «Вы слишком вежливы, сестра Лу. Вы ведь не чужой для нас человек, эх...»

Он вдруг запнулся, а Анан как будто слегка покраснела. Ксавьон неловко усмехнулся и торопливо добавил: «Дело в том, что Госпожа сейчас не здесь, сегодня утром она в одиночестве отправилась на Внутреннюю гору, и еще...»

Он вздохнул, на его лице отразилась боль, а голос стал тише. «Госпожа очень страдает из-за смерти Мастера, и сегодня забрала тело Мастера на гору, сказала что хочет сама его похоронить».

Анан нахмурилась, ей вдруг стало не по себе. Эта ситуация была еще более странной, чем она

могла себе представить. Не сообщить другим людям о случившемся – это одно, но почему Сурин не позвала даже родную дочь на похороны, а решила в одиночку похоронить мужа?

Подумав об этом, она помолчала, затем все же спросила Ксавьона: «А... тот человек?»

Ксавьон замер, потом посмотрел на цвет лица Анан, да еще понятливый Хэ Дачжи потянул его сзади за рукав и посмотрел со смыслом, и он сразу все понял. Немного посомневавшись, он ответил: «Младший брат тоже пошел на Внутреннюю гору».

Анан была удивлена и подняла глаза на Ксавьона, отчего он горько усмехнулся и сказал: «Госпожа не разрешила нам пойти с ней, только позвала Младшего брата».

Анан замолчала, только через несколько минут она снова поклонилась Ксавьону и сказала: «Благодарю вас, братья, что ж, если так, я не буду больше вас беспокоить и в другой день приду почтить память Мастера».

Ученики Пика Большого Бамбука тоже поклонились ей, и Ксавьон, подумав, сказал: «Сестра Лу, это дело очень запутанное, надеюсь, что вы...»

Но Ксавьон не договорил, Анан прервала его. «Я все понимаю, брат Ксавьон, прошу, не беспокойтесь. Я ни слова не скажу никому постороннему».

Ксавьон кивнул и больше ничего не сказал. Анан тоже не стала тратить слова, она развернулась и пошла восвояси. Посмотрев ей вслед, У Даи вдруг вышел вперед и сказал Ксавьону: «Старший брат, я думаю, что она, скорее всего, собирается пойти на Внутреннюю гору. Это ничего?»

Хэ Дачжи рядом добавил: «Да куда там скорее всего, она совершенно точно собирается отправиться на Внутреннюю гору и все выяснить. Она прибыла сюда по приказу Мастера Шуй Юэ, и если не узнает, что на самом деле случилось с Госпожой, не вернется обратно».

Ксавьон, помолчав, ответил им: «Пусть она идет. Мне в последнее время кажется, что Госпожа слишком сильно страдает, и я беспокоюсь, как бы с ней ничего не случилось. Но Госпожа запретила нам идти с ней, и мы не можем нарушить приказ. И хотя Седьмой отправился с ней, вы ведь понимаете, что если она прикажет и ему уйти, он не станет противиться, с его-то характером и отношением к Госпоже. Если сестра Анан пойдет приглядеть за ней, хуже точно не будет».

Все остальные послушали его и закивали в знак согласия. Затем они замолчали, Ксавьон вздохнул и пошел обратно в Зал Тишины.

На первый взгляд бамбуковый лес на Пике Большого Бамбука был похож на лес Пика Малого Бамбука. Повсюду танцевали бамбуковые листья, и через ветви пробивался солнечный свет, отражаясь полосами на земле.

На листьях еще блестели хрустальные капли утренней росы, блестящие, похожие на жемчужины.

Зевул стоял посреди леса, ему казалось, что все это нереально. Сколько лет прошло с тех пор, как он начал свою жизнь на Пике Большого Бамбука, сколько он встретил здесь рассветов и закатов, здесь он рубил бамбук и проливал пот в тренировках. Когда-то это время казалось ему

скучным, но сейчас оно казалось сном. И то чувство покоя и умиротворения уже нельзя было вернуть.

Подул горный ветер и бамбук зашумел зеленым морем.

Он легко вздохнул и прогнал это невыразимое чувство печали. Затем повернулся и посмотрел на Сурин.

Тело Тянь Болиса лежало неподалеку, Йелла все еще был рядом с ним. С тех пор как Тянь Болис вернулся на Пик Большого Бамбука, пес почти не отходил от него, постоянно находился рядом.

Под телом Тянь Болиса не было никакой подстилки, это могло показаться неуважением к умершему, но никто, от Зевула и Ксавьона до Амандлы, не смел сомневаться в действиях Сурина.

Конечно, они не могли понять, какую боль чувствовала Сурин, но ее поведение казалось всем слишком странным. Зевул чувствовал, что Сурин не станет слушать никаких уговоров, и потому не знал, что сказать.

В этот момент Сурин нарушил молчание. «Ты хочешь мне что-то сказать?»

Зевул удивленно вздрогнул, но сначала растерялся, а потом осторожно сказал: «Госпожа, я действительно хочу сказать, но только не знаю как».

Сурин просто сказала: «Говори, я думаю, что эти слова хочешь сказать не ты один».

Зевул застыл на миг, Госпожа действительно была достаточно умна, чтобы все понять. Страдания и боль никак не повлияли на ее догадливость. Поэтому Зевул кашлянул и сказал: «Госпожа, прошу извинить меня за смелость, Ученик понимает, что смерть Мастера для вас...»

Сказав это, Зевул вдруг запнулся, посмотрел на Тянь Болиса и его сердце сжалось. Затем он продолжил: «Но только Ученик просит Госпожу постараться сдержать свою печаль. Кроме того, Мастера нужно проводить в последний путь, и ваша дочь, Лин Эр, должна быть здесь, на похоронах. Нужно сказать ей, чтобы она тоже смогла почтить его память».

Сурин не обернулась и ничего не сказала.

Зевул почувствовал себя неловко, склонил голову и тихо сказал: «Госпожа, если я сказал что-то неподобающее, прошу меня простить».

Сурин покачала головой, развернулась и посмотрела на Зевула. «Ты все верно сказал, все правильно».

Зевул посмотрел на Сурин с удивлением, сегодня она нарядилась не так, как обычно, и хотя это все еще были траурные одежды, кажется, что она собралась на какой-то праздник, она выглядела очень величественно и была прекрасна, несмотря на печаль в глазах.

Зевул опустил голову, снова не зная, что сказать. Помолчав немного, он добавил: «Госпожа, еще кое-что... я хотел бы узнать, с вашего позволения».

Сурин кивнула. «Говори».

Зевул сказал ей: «Смерть Мастера... это трагедия для меня, также как и для вас, но только его

тело... нельзя просто так уносить, и тем более приносить на Внутреннюю гору...»

Сурин вдруг прервала его: «Ты сейчас учишь меня, как поступать?»

Зевул тут же замотал головой. «Что вы, я не смею!»

Сурин посмотрела на него, но ничего не сказала, только ее лицо немного потеплело, как будто она о чем-то вспомнила. Как вдруг в ее глазах снова мелькнула боль, и она спросила:

«Седьмой, ты знаешь, сколько лет мы с твоим Мастером женаты?»

Зевул вздрогнул, почувствовав боль в ее словах. Но он не знал, как ее утешить, и только тихо произнес, с беспокойством в сердце: «Ученик не знает».

Сурин улыбнулась, отвернулась от него и села рядом с Тянь Болисом. «Ничего удивительного, что ты не знаешь. Даже я сама уже не помню, сколько лет мы вместе. Мы с ним столько пережили, что я и не задумывалась о том, сколько прошло времени. Он все время шутил, а я смеялась. Он говорил, что если мы не достигнем успехов в магии, то когда-нибудь нам придется встретить свою смерть. И когда наступит этот миг, мы должны быть вместе».

Она понизила голос и сказала: «Тогда я спросила его, как он себе это представляет, а он ответил, что у него нет других пожеланий, только бы уйти раньше меня. Магам обычно не нужны никакие пышные похороны, даже можно обойтись без гроба. Как мы пришли в этот мир, так и уйдем. Он лишь хотел быть похороненным на Внутренней горе Пика Большого Бамбука, на этой земле. И этого достаточно. Так он сможет каждый день и ночь присматривать за своими учениками, и не бояться одиночества».

Когда она договорила, ее лицо уже залили слезы.

Зевул сильно сжал зубы, но ничего не смог сказать.

Йелла, который лежал на земле, медленно поднял голову и посмотрел на Сурин. Затем снова опустил голову и слегка шевельнул хвостом.

Сурин долго смотрела на Тянь Болиса, затем вдруг помахала рукой и сказала: «Оставь меня одну, спускайся с горы. Приходи снова через час!»

Зевул удивленно вздрогнул, но не почувствовал ничего необычного, и сказал: «Госпожа».

Сурин отозвалась: «Что?»

Зевул, подумав, наконец, решился сказать: «Госпожа, я уважаю ваше обещание Мастеру, и не смею помешать этому. Но... перед тем, как похоронить Мастера, не лучше ли позвать сюда Лин Эр?»

Сурин помолчала немного, затем тихо сказала: «Хорошо. Спускайся и скажи Ксавьону, чтобы он послал за ней на Пик Головы Дракона!»

Зевул кивнул и развернулся, чтобы уйти, но затем вдруг не удержался и обернулся. Сурин молча сидела рядом с телом Тянь Болиса, она выглядела такой одинокой, что это ранило его сердце. Он торопливо отвернулся и пошел прочь, не смея больше оборачиваться.

По дороге его накрыли чувства, которые не отпускали его уже несколько дней. То, что Сурин не позвала больше никого на похороны Тянь Болиса, было очень странным. Даже Лин Эр

ничего не сообщили, это было совершенно неразумно. Зевул все же не мог принять тот факт, что все происходит именно так, хоть это и было пожеланием самого Тянь Болиса.

Он тяжело вздохнул и постарался успокоиться. В самом деле, люди, изучающие магию, не обращали внимания на то, что будет после их смерти. То, что он будет похоронен в простую желтую землю... может быть, в этом и правда нет ничего плохого.

Он молча думал об этом, пешком спускаясь с горы, и не заметил, как спустился до половины. Когда он только пришел на Пик Большого Бамбука, и ходил сюда вместе с Ксавьоном и Лин Эр, этот путь казался ему ужасно тяжелым. Прошлое замелькало перед его глазами.

Интересно, как сестра Лин Эр жила все эти годы?

На его губах мелькнула горькая улыбка, он покачал головой. Затем он вдруг остановился и удивленно посмотрел вперед.

На горной тропе впереди показалась белая тень. Как всегда прекрасная, она остановилась как вкопанная и молча посмотрела на него. Происходящее даже показалось ему нереальным.

Зевул тоже посмотрел на нее, они встретились взглядами, но никто не решался заговорить.

Подул горный ветер, ее волосы и подол платья шевельнулись на ветру.

Наконец, Зевул все-таки первым нарушил молчание: «Почему ты здесь?»

Анан тихо сказала: «Мой Мастер отправила меня, чтобы поклониться Госпоже Сурин»

Зевул кивнул, подумал немного и сказал: «Госпожа сейчас на Внутренней горе, но она хотела бы побыть одна, и не хочет никого видеть. Она приказала мне прийти через час».

Анан кивнула. «Ничего, я могу подождать».

Зевул кивнул в ответ и замолчал. Анан, кажется, тоже не знала, что сказать, и между ними снова воцарилась тишина. И хотя они стояли, не двигаясь, но казалось, что расстояние между ними увеличивается.

Через какое-то время Анан осторожно спросила: «Как твои раны?»

Зевул спокойно ответил: «Уже намного лучше». Затем он поднял голову, посмотрел на Анан и сказал: «Тогда... если бы не ты, я бы здесь не стоял. Кажется, я должен поблагодарить тебя».

Анан замерла, посмотрела на него и сказала: «Тогда я... тот удар...»

Зевул вдруг прервал ее. «Не надо».

Анан замолчала и опустила голову.

Но Зевул, кажется не договорил. Он продолжил: «Госпожа все мне объяснила, она сказала, что я зря тебя обвиняю. Извини».

Анан вздрогнула и подняла голову. На лице Зевула отразилась боль, он уверенно смотрел на нее, но при этом почему-то голос его прерывался. «Я верю тому, что сказала Госпожа. Но Мастер был для меня как отец, он воспитал меня и вырастил. Я знаю, может быть, мне слишком тяжело это пережить, но... я надеюсь, ты дашь мне больше времени, и я смогу...»

Анан вдруг прервала его: «Я поняла. Я подожду тебя».

Зевул удивленно посмотрел на нее, эта прекрасная девушка смотрела на него, сжав зубы, в ее глазах блеснули слезы. Но когда она поймала его взгляд, для нее это было равносильно объятию. Ее лицо тут же расслабилось, а в уголке губ появилась легкая утешающая улыбка.

Он посмотрел на эту девушку, и его губы слегка дрогнули, а в сердце вдруг поднялась волна нежности. Он только хотел улыбнуться ей в ответ, но... никто из них не ожидал, что в этот миг с вершины Внутренней горы, издалека раздастся бешеный собачий вой.

Оба они окаменели от этого звука.

Это был Йелла. С тех пор как Зевул вернул тело Тянь Болиса на Пик Большого Бамбука, пес не издал ни звука. Но сейчас он был, и хотя этот вой был немного слабым, но в нем слышалось такое отчаяние, словно Йелла сошел с ума. Зевул никогда не слышал, чтобы Йелла издавал такие звуки.

Что же там случилось, что заставило Йеллу так ужасно завывать?

Беспокойство, которое все это время было зарыто где-то глубоко внутри, вдруг поднялось на поверхность, и Зевул сделался белым, словно мел. Даже его руки начали дрожать мелкой дрожью. Анан тоже была немало удивлена, но Зевул выглядел так, словно его настигло ужасное понимание. Она спросила: «Что случилось?»

Зевул не ответил. Он задрожал всем телом и вдруг раздался его ужасный крик: «Госпожа!»

Он поднялся в воздух и словно молния рванулся обратно вглубь леса, на Внутреннюю гору.

Анан была достаточно умна, чтобы понять, что происходит. Она тоже побледнела и покачнулась, едва устояв на ногах. Что если из-за смерти Тянь Болиса Сурин так страдала, что... Она даже боялась представить, что станет с Зевулом! И как им теперь справиться с этим горем? Она тоже совершенно не могла представить.

Глядя на бешено умчавшуюся вдаль тень, она вдруг ощутила себя невероятно беспомощной, словно над ней нависла огромная тень. Она хотела полететь следом, но едва сделала первый шаг, какая-то сила словно остановила ее, так что она не могла шевельнуться. И только в глубине души она отчаянно кричала: «Не надо. Не надо».

<http://tl.rulate.ru/book/13084/421184>